

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РУССКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

Рассматриваются творчество русского писателя И.С. Тургенева как источник по истории экономической и общественной мысли России второй половины XIX в. и его отношение к процессу зарождения отечественной буржуазии. Делается попытка выявить причины негативного отношения писателя к новым явлениям социально-экономической жизни страны и той роли, которую играли в ней предприниматели. Автор приходит к выводу, что в произведениях Тургенева наблюдается все возрастающий интерес к предпринимательству купцов, которые были заинтересованы, прежде всего, в собственном обогащении и не стремились занять в стране лидирующие позиции, как это было на Западе.

Ключевые слова: история; Россия; И.С. Тургенев; купцы, предпринимательство.

История России могла кардинально измениться в конце 1825 – начале 1826 г., когда произошло восстание декабристов в Петербурге и на Украине. Если бы это восстание завершилось положительно, то главным его результатом была бы отмена крепостного права, ведь именно этот пункт был коренным положением всех программных документов. После разгрома движения декабристов и начала периода реакции эта освободительная акция отодвинулась на второй-третий план и осталась только в мечтах просвещенных и прогрессивно настроенных людей, которых в стране насчитывалось единицы, и одним из них стал 24-летний выпускник Петербургского университета Иван Тургенев. В декабре 1842 г. он написал черновой вариант статьи «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», которую готовил не только для публикации, но и как образец своих будущих занятий в комиссиях, подготавливавших освобождение крепостных крестьян. Однако время для результативной работы таких комиссий еще не подошло, и подготовительные материалы стали одной из составных частей первого и самого известного произведения И.С. Тургенева – «Записок охотника», которые позднее А.И. Герцен назвал «шедевром», «поэтической обвинительной речью против крепостничества» [1. С. 228]. Некоторое время Тургенев даже служил в Министерстве внутренних дел, надеясь, что его привлекут к разработке проектов по освобождению крестьян, но в результате секретных работ в 1846 г. был получен правительственный документ, подтверждавший незыблемость власти помещика над своими крещеными душами, т.е. крестьянами как орудием и опорой самодержавной власти [2. Т. 1. С. 356].

В начале 1847 г. в № 1 журнала «Современник» в разделе «Смесь» был издан первый рассказ «Записок охотника» под названием «Хорь и Калиныч», который начинается с тонкого этнографического сопоставления орловских и калужских крестьян: «Кому случилось из Болховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой. Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избушках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и

бел, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах» [2. Т. 1. С. 7]. Стоит ли говорить, что жители лесного калужского, вятского, вологодского, архангелогородского и некоторых других краев были в большей степени расположены к предпринимательству и перемещению на восток, в Сибирь, где их талантам открывалось более широкое и благоприятное поле деятельности, чем в коренной (Европейской) России. Об этом писал много поездивший по Сибири и другим краям страны С. Турбин: «Замечание, сделанное И.С. Тургеневым, при сравнении калужского крестьянина – торговца, промышленника и отчасти земледельца, с орловским, исключительно пахарем, поразительно верно и применяется всюду в России» [3. С. 51].

Именно из таких предприимчивых крестьян вышли основатели многих известных купеческих родов. Одним из них был род крупных московских чаоторговцев Боткиных, из которого вышли не только умелые дельцы, но и выдающиеся представители отечественной культуры и науки. Василий Петрович Боткин (1810–1869) – автор статей о русской и западной литературе, знаменитой в свое время книги «Письма об Испании» – родился именно в такой семье бывших крепостных крестьян, разбогатевших благодаря своему уму и энергии на чрезвычайно выгодной в начале XIX в. чаоторговле. Боткин учился в Московском частном пансионе, где получил хорошее знание языков, заинтересовался историей живописи и архитектуры, теорией музыки и литературой. В начале 1840-х гг. Боткин был членом кружка Станкевича и Белинского, где в 1842 г. познакомился с И.С. Тургеневым, быстро с ним подружился и в 1845 г. совершил совместное путешествие по Франции. В 1850-е гг. Тургенев и Боткин не только друзья, но и единомышленники, о чем свидетельствует их оживленная переписка. В своих письмах Боткин рассказывал о литературно-общественной жизни Москвы, о последних днях жизни и смерти Н.В. Гоголя, о его похоронах и других заметных явлениях московской жизни. Тургенев критически откликнулся на известную диссертацию Н.Г. Чернышевского «Эстетическое отношение искусства к действительности», в то время как Боткин оценил ее весьма положительно, соглашаясь с тем, что природа есть фундамент искусства. Тургенев же был не согласен с тезисом, что «искусство – суррогат действительности» [4. С. 349].

В конечном итоге переписка «либерального буржуа» Боткина с «либеральным дворянином» Тургене-

вым сводилась к главной теме разговоров в стране среди прогрессивно настроенной публики – желанию содействовать ликвидации крепостного строя. В.П. Боткин хотя и совмещал участие в торговых операциях фирмы своего отца Петра Кононовича Боткина с участием в кружках и перепиской со многими выдающимися деятелями общественного и даже революционного движения в России, но вскоре отошел от активной общественной позиции. В начале 1860-х гг. Боткин отказался от своих прежних радикальных взглядов, а его участие в периодике почти полностью прекратилось, в то время как Тургенев до конца жизни находился в центре значимых в стране событий, всегда сочувствовал и откликался на новые веяния отечественной и зарубежной истории. В то же время В.П. Боткин, оставшись после смерти отца старшим в семейном деле, имел незыблемый авторитет и настоял, чтобы все младшие братья получили университетское образование; один из них, Сергей Петрович, стал выдающимся русским врачом.

Главным и наиболее убедительно прописанным персонажем рассказа «Хорь и Калиныч» является, конечно, крестьянин по прозвищу Хорь. Свое прозвище он получил за то, что выделился из деревенской общины и поселился на отстроенном в лесу хуторе. На барские работы он и члены его семьи не привлекались, но платили своему барину значительный денежный оброк. В результате его хозяйство и семья процветали: усадьба состояла из нескольких сосновых срубов, в которых проживало семьями восемь старших и два младших неженатых сына. Все они состояли при деле своего отца, т.е. занимались мелким и средним предпринимательством, держали крепкое хозяйство, платили помещику оброк в сто рублей и на жизнь, как говорится, не жаловались. Из таких семей вышли многие крупные российские купеческие роды, которые занимались преимущественно изготовлением льняных, а потом и хлопчатобумажных тканей сначала в своих избах, затем в кустарных мануфактурах и на фабриках, где трудилось уже по несколько сотен, а то и тысяч рабочих. К их числу можно отнести сложившиеся династии Гучковых, Крестовниковых, Мамонтовых, Морозовых, Прохоровых, Рябушинских, Третьяковых, Боткиных и другие известные в отечественной истории фамилии [5–7].

В рассматриваемом рассказе И.С. Тургенев отмечает ростки новых отношений в российской действительности в середине XIX в. По его мнению, это произошло благодаря беседам с Хорем: «Он много видел, много знал, и от него я многому научился. Например, из его рассказов узнал я, что каждое лето, перед покосом, появляется в деревнях небольшая тележка особенного вида. В этой тележке сидит человек в кафтане и продает косы. На наличные деньги он берет рубль двадцать пять копеек – полтора рубля ассигнациями; в долг – три рубля и целковый. Все мужики, разумеется, берут у него в долг. Через две-три недели он появляется снова и требует денег. У мужика овес только что скошен, стало быть, заплатить есть чем; он идет с купцом в кабак и там уже расплачивается. Иные помещики вздумали было покупать сами косы за наличные деньги и раздавать в

долг мужикам по той же цене; но мужики оказались недовольны и даже впали в уныние...» [2. Т. 1. С. 14–15]. Писатель беседовал с Хорем о многом и проникся большим уважением к его уму и познаниям, хотя грамоты он сам и все его сыновья, кроме любимца Феди, не знал. «Благодаря исключительности своего положения, своей фактической независимости, Хорь говорил со мной о многом, чего из другого рычагом не выворотить, как выражаются мужики, жерновом не вымелешь. Он действительно понимал свое положение. Толкуя с Хорем, я в первый раз услышал простую, умную речь русского мужика» [Там же. С. 16]. Эти качества «государственного», во все вникающего человека, хотя и простого звания, выгодно оттеняются легковесными рассуждениями и поступками его барина – калужского мелкого помещика Полутыкина, над которым Тургенев слегка посмеивается. Это следует из самой фамилии помещика, его небольших слабостей, главными из которых являются его бесхозяйственность и наивность, хотя он и был «страстным охотником и, следовательно, отличным человеком». Видимая логическая ошибка в этом утверждении также дополняет ироническую характеристику помещика, который любил свататься ко всем богатым невестам губернии, и, получив отказ всем жаловаться на несправедливость судьбы, имел в доме французскую кухню, которая, по мнению повара, «состояла в полном изменении естественного вкуса каждого кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба – грибами, макароны – порохом; зато ни одна морковка не попадала в суп, не приняв форму ромба или трапеции» [Там же. С. 8]. Поэтическая натура другого крепостного крестьянина помещика Полутыкина также показывает несправедливость положения, когда один человек является, по сути, собственностью другого, когда ради прихоти барина Калиныч забрасывает свое хозяйство, семью, целыми днями и неделями сопровождает его на охоте, не получая взамен ничего, включая расходы на обувь, над чем беззлобно подтрунивает его закадычный товарищ Хорь.

И.С. Тургенев прекрасно знал, что крепостной крестьянин не имел никаких юридических прав и свою собственность записывал на имя своего помещика. Когда его литературный критик и заинтересованный корреспондент Иван Васильевич Анненков (1812–1887) усомнился в правдивости рассказа Тургенева «Постоялый двор», то писатель ему отвечал: «Человек крепостного состояния не имеет (выделено автором. – В.Б.) приобретать собственность иначе, как на имя своего господина (не далее как неделю тому назад я дал доверенность одному моему богатому мужику в Тамбове – купить 150 десятин на его деньги – и на мое имя), притом вся рассказанная мною история буквально совершилась в 25 верстах отсюда – и “Наум” жив и процветает до нынешнего дня» [4. С. 484]. А история, описанная Тургеневым в этом рассказе, напоминает ситуацию, которую рассказал позднее Н.С. Лесков в повести «Леди Макбет Мценского уезда», когда ради вспыхнувшей страсти к молодому приказчику молодая жена предает деловые интересы мужа и тот в результате теряет все. Только у Тургенева эта драма обошлась без крови, и предан-

ный муж отправляется в странствие по святым местам: «Везде, куда только стекаются богомольные русские люди, можно увидеть его исхудавшее и постаревшее, но все еще благообразное и стройное лицо: и у раки св. Сергия, и у Белых берегов, и в Оптиной пустыне, и в отдаленном Валааме; везде бывал он...» [2. Т. 5. С. 306]. Его же счастливый соперник Наум хозяйничал на постоялом дворе лет пятнадцать, потом выгодно сбыв его другому мещанину, а сам занялся хлебной торговлей и разбогател сильно. «Но надолго ли?» — задает риторический вопрос автор и тут же отвечает на него: «Не такие столбы валились и злему делу рано или поздно приходит злой конец» [Там же. С. 307]. Такое отношение к нажитому неправедным путем богатству было широко распространено среди народа и сильно мешало развитию отечественного предпринимательства, особенно на начальной его стадии в дореформенный период.

В другом рассказе Тургенева «Уездный лекарь» речь идет о докторе, которого вызвал к себе писатель, заболевший после охоты «с отъезжего поля», т.е. поздней осенью. Доктор был «малый неглупый, выражался бойко и довольно забавно. Странные дела случаются на свете: с иным человеком и долго живешь вместе и в дружеских отношениях находишься, а ни разу не заговоришь с ним откровенно, от души; а с другим же едва познакомиться успеешь — глядь, либо ты ему, либо он тебе, словно на исповеди, всю подноготную и проболтал» [2. Т. 1. С. 39]. Словом, рассказал уездный лекарь Трифон Иванович историю про свою вспыхнувшую неволью страсть к смертельно больной девушке, которую он не смог вылечить привычными тогда средствами — кровопусканием, микстурами и горчичниками. Вскоре она скончалась, но в памяти доктора этот несостоявшийся роман остался как светлая и романтическая история, в то время как жизнь у него сложилась, как он сказал, вполне прозаически: «Ведь я с тех пор в законный, как говорится, брак вступить успел... Как же... Купеческую дочь взял: семь тысяч приданого. Зовут ее Акулиной; Трифону-то под стать. Баба должен я вам сказать злая, да благо спит целый день...» [Там же. С. 47]. Налицо привычные стереотипы в отношении купцов и купеческих дочерей: можно взять богатое приданое, но потом терпеть всю оставшуюся жизнь попреки и несправедливости.

В других произведениях И.С. Тургенева также довольно часто упоминаются купцы, но обязательно при этом присутствует какая-либо материальная выгода или плутовство, которые стали одной из главных характеристик русского купечества в отечественной литературе начиная с Н.В. Гоголя. Впрочем, внешний вид купцов был солиден. Например, однодворец Овсянников из одноименного рассказа в «Записках охотника» был одет как купец: «Носил он просторный синий сюртук с длинными рукавами, застегнутый доверху, шелковый лиловый платок на шее, ярко вычищенные сапоги с кистями и вообще с виду был похож на зажиточного купца» [Там же. С. 56]. Приметил И.С. Тургенев и еще одну особенность внешнего вида состоятельных людей в России: «Заметим кстати, что с тех пор как Русь стоит, не бывало еще на ней раз-

добревшего и разбогатевшего человека без окладистой бороды; иной весь свой век носил бородку жидкую, клином, — вдруг, смотришь, обложился кругом словно сиянием, — откуда волос берется!» [2. Т. 1. С. 127]. Здесь же, в рассказе «Контора», передано главное отличие образа жизни купца от дворянского уклада словами приказчика, который в барском имении был на должности дежурного конторщика: «И живет-то купец по простоте, по-русскому, по-нашенскому: поедешь с ним в дорогу, — он пьет чай, и ты пей чай; что он кушает, то и ты кушай. Купец... как можно: купец не то что барин. Купец не блажит; ну, осерчает — побьет, да и дело с концом. Не можжит, не шпыняет... А с барином беда! Всё не по нем: и то нехорошо, и тем не угодил» [Там же. С. 141]. Это говорит представитель управленческого, по сути дела бюрократического, аппарата крупного поместья, численность которого была весьма значительна и доходила до нескольких десятков человек, а хитрость, с которой эти управленцы обкрадывали своих помещиков, была, может быть, и изощреннее, чем у государственных чиновников.

В рассказах «Бурмистр» и «Контора» только открывается тайна обогащения: притеснение слабых, обман и мошенничество, предварительный сговор, прямое воровство — вот неполный перечень уголовных преступлений, которые совершали посредники между помещиками и крестьянами, которые довольно часто привлекали себе в союзники купцов. Купцы быстрее и эффективнее находили общий язык с разного рода приказчиками и управляющими, в то время как с дворянами, особенно родовитыми и чиновными, держать себя еще не умели. Время их торжества наступит после освободительных реформ правительства Александра II и выдвижения на первое место капиталов, а не чинов и званий. А пока, в середине XIX в., присутствуя на игре в бильярд в трактире на Лебедянской ярмарке, когда один из игроков сделал эффектный удар, даже свое одобрение и восхищение купец должен был высказывать осторожно: «Князь с треском положил желтого в крайнюю лузу. “Эк”, — одобрительно крякнул всем животом толстенький купец, сидевший в уголку за шатким столиком на одной ножке, крякнул и оробел. Но, к счастью, никто его не заметил. Он отдохнул и погладил бородку» [Там же. С. 173]. Кстати, о бородах: в Николаевскую эпоху во второй четверти XIX в. купцы носили бороды повсеместно, это было их правом и отличительным знаком, в то время как у чиновников и дворян ношение бороды являлось определенным вызовом. На бороды у представителей господствующего класса смотрели подозрительно. Например, в рассказе «Гамлет Щигровского уезда» приезжий сановник «с негодованием, доходившем до голода, посмотрел на бороду князя Козельского» [Там же. С. 251]. Одной из причин такого отношения стало участие России в подавлении революционного брожения в Европе, где на баррикадах повсеместно сражались мужчины с бородами и бородками, которые вырастали часто из-за того, что их некогда, да и негде было брить. В результате появился даже тайный циркуляр о запрещении дворянам отпускать бороды, но на практике это при-

вело к моде на бороды, и среди портретов известных русских писателей второй половины XIX в. трудно найти таковой без бороды.

Даже лошадей купцы подбирали по своему вкусу – внешне представительных, но с серьезными изъянами, которые обходились им гораздо дешевле перво-классных рысаков: «Он (жеребец голландской породы. – В.Б.) принадлежал к числу лошадей, о которых говорят охотники, что “они секут и рубят, и в полон берут”, то есть на ходу вывертывают и выкидывают передними ногами направо и налево, а вперед мало подвигаются. Купцы средних лет подлюбливают таких лошадей: побежка их напоминает ухарскую походку бойкого полового; они хороши в одиночку, для гулянья после обеда: выступая фертм и скрутив шею, усердно везут они аляповатые дрожки, нагруженные наевшимся до онемения кучером, придавленным купцом, страдающим изжогой, и рыхлой купчихой в голубом шелковом салопе и лиловом платочке на голове» [2. Т. 1. С. 177]. Надо сказать, что стойкое неприятие женщин купеческого происхождения в русской литературе преодолевалось всю вторую половину XIX в., пока не были признаны в начале XX в. кустодиевские красавицы-купчихи, своеобразные эталоны женской красоты. А пока женщинам купеческого сословия отказывали и в образовании, и во вкусе, и в женском обаянии и красоте. Вот их характеристики, сделанные дворянами-неудачниками: «Даша его теперь поперек себя толще, водится с купцами – братьями Кондачковыми, белится и румянится, пищит и бранится» [Там же. С. 203]; «поездка за границу окончательно истощила мои средства, а на купчихе с молодым, но уже дряблым телом, вроде желе, я жениться не хотел, – и удалился к себе в деревню» [Там же. С. 263] и другие неслестные для купчих сравнения.

Одной из черт провинциального, да и московского, купечества считалась страсть к пикникам. Городские сады, по наблюдениям Тургенева, как правило, пустовали, «но если в соседстве города находится жиденькая березовая рощица, купцы, а иногда и чиновники, по воскресным и праздничным дням, охотно туда ездят с самоварами, пирогами, арбузами, становятся всю эту благодать на пыльную траву возле самой дороги, садятся кругом и кушают и чайничают в поте лица до самого вечера» [2. Т. 5. С. 174]. Подметил И.С. Тургенев и один из самых распространенных способов формирования крупных капиталов в дореформенной России – откуп, когда предпринимателю, представившему в казну крупный залог, предоставлялось монопольное право на продажу товаров, обложенных акцизом, т.е. дополнительным государственным налогом. Это были товары, пользующиеся неизменным огромным спросом, прежде всего, хлебное вино (водка), соль, табак и табачные изделия, спички и некоторые другие. В рассказе «Странная история» Тургенев так говорит о занятиях старинного знакомого своего отца, который сильно на этом разбогател: «Он занимался откупами, то есть ссужал откупщиков залогами за крупные проценты... “Риск – благородное дело!” Впрочем, и риску было мало» [2. Т. 7. С. 195]. Добавим от себя, что многие сибирские золотопромышленники вышли из откупщиков и стали знамени-

тыми на всю Россию богачами. Это Поповы, Базилевские, Бенардаки, Мясниковы и некоторые другие, которые смогли свои капиталы переориентировать в середине XIX в. на более доходную и современную область предпринимательства – добычу золота [8. С. 85–87].

Здесь же, в этом рассказе упоминается местная знаменитость – безграмотный, психически неуравновешенный мещанин, который занимался мистикой, т.е. вызывал для желающих за небольшую плату образы умерших родных или знакомых. Надо ли говорить, что этот полублаженный Васенька пользовался от купечества огромным уважением и они часто его посещали, чтобы увидеть своих умерших предков. Автор рассказа посетил этого неграмотного мистика и сам убедился в его способностях, когда увидел загаданный им образ своего гувернера, старомодного старичка Дессера. После долгих размышлений автор рассказа пришел к выводу, что «человек этот, несомненно, обладал значительной магнетической силой; действуя, конечно, непонятным для меня способом на мои нервы, он так ясно, так определенно возбудил во мне образ старика, о котором я думал, что мне показалось, что я его вижу перед глазами...» [2. Т. 7. С. 204]. Отметим, что российское предпринимательство и коммерция в дореформенное время освещены И.С. Тургеневым как зачаточное и примитивное, хотя перспективы их развития очевидны и могут дать позитивные результаты. Через 30 лет в романе «Новь» уже отмечены определенные сдвиги в такой характеристике, показаны некоторые итоги такого развития. Хотя главная идея последнего романа Тургенева заключалась в развенчивании революционного народничества, критическом отношении к народническим иллюзиям, но результаты буржуазного развития страны, носители новых отношений в экономике не вызывают у писателя также никаких симпатий. Именно здесь, в этом романе, им было употреблено слово «буржуй», несущее в себе различную, в большей степени негативную, нагрузку [2. Т. 4. С. 471].

Вот, например, описание лучшей в округе фабрики купца Фалеева, который и был назван первым по Москве алтынником и буржуем: «Фабрика, очевидно, была в полном расцветании и завалена работой; отовсюду неся бойкий гам и гул непрестанной деятельности: машины пыхтели и стучали, скрипели станки, колеса жужжали, хлопали ремни, катились и исчезали тачки, бочки, нагруженные тележки; раздавались повелительные крики, звонки, свистки; торопливо пробегали мастеровые в подпоясанных рубашках, с волосами, прихваченными ремешком, рабочие девки в ситцах: двигались запряженные лошади... Людская тысячеголовая сила гудела вокруг, натянутая как струна. Всё шло правильно, разумно, полным махом; но не только щегольства или аккуратности, даже опрятности не было заметно нигде и ни в чем...» [2. Т. 7. С. 261]. Под стать таким фабрикам в романе «Новь» были изображены и хозяева новой жизни, купцы и фабриканты: «Купец Голушкин, с которым предстояло познакомиться главному герою романа революционеру Нежданову, был сын разбогатевшего торговца москательным товаром – из староверов-

федосеевцев. Сам он не увеличил отцовского состояния, ибо был, как говорится, жуир, эпикуреец на русский лад – и никакой торговой сообразительности в делах не имел. Это был человек лет сорока, довольно тучный и некрасивый, рябой, с небольшими свинными глазками; говорил он очень поспешно и как бы путаясь в словах; размахивал руками, ногами семеня, похохатывал... вообще производил впечатление парня дурковатого, избалованного и крайне самолюбивого... Эта же самая страсть, победившая в нем природную скупость, бросила его, как он не без удовольствия выражался, в оппозицию (прежде он говорил просто “в позицию”, но потом его научили) – свела его с нигилистами: он высказывал самые крайние мнения, трунил над собственным староверством, ел в пост скоромное, играл в карты, а шампанское пил, как воду» [2. Т. 7. С. 267–268].

Впрочем, при малейшей опасности, угрозе со стороны властей вся оппозиционность у купца Голушкина исчезла, и он «всё и всех выдает, желает перейти в православие, жертвует в гимназию портрет митрополита Филарета и препроводил уже пять тысяч рублей для раздачи “увечным воинам”» [2. Т. 4. С. 383]. Такой образ купца с преувеличенно комическими чертами довольно часто встречался в литературе пореформенного периода, хотя в жизни, конечно, таких купцов можно видеть довольно редко. Господствующим типом был купец расчетливый, деловой, хваткий до любой прибыли, каким был, например, владелец уже описанной выше фабрики купец Фалеев. По словам его управляющего Соломина, это был человек «из новых», который «тряпки не сосет», т.е. своего не упустит, но в поведении «вежлив очень – и рукавички носит, – а глаз всюду запускает, не хуже старого. Сам шкурку дерет – и сам приговаривает: “Повернитесь-ка на этот бочок, сделайте одолжение; тут есть еще живое местечко... Надо его пообчистить!”» [Там же. С. 348]. Купцам, по мнению Соломина, скоро будут принадлежать не только фабрики и заводы, но и земли, которыми нынешние владельцы, помещики и чиновники хотя и владеют, но получать с них доход, так и не научились. Купцы же, используют свои способы обогащения, которые можно назвать одним словом – «хищничество».

Одним из немногих положительных героев нового буржуазного времени у И.С. Тургенева стал механик и управляющий фабриками Василий Федотович Соломин. Соломин у него «настоящий», не выдуманный, он определенно нравится писателю как представитель народа, получивший образование за границей и реализовывавший свои таланты на родине. Однажды его фабрику посетил какой-то важный английский мануфактурист и от того ли, «что Соломин с ним по-английски говорил, или он точно был поражен его сведениями – только он всё его по плечу хлопал, и смеялся, и звал его с собою в Ливерпуль» [Там же. С. 310]. В самом деле, оказавшись на чужой фабрике, и не текстильной, на которой он работал и для этого учился два года в Англии, а на писчебумажной, Соломин чувствовал себя как дома: «Он клал руку на машину, как ездок на шею лошади; тыкал пальцем колесо – и оно останавливалось ли начинало вертеть-

ся; брал на ладонь из чана немного того месива, из которого выделяется бумага – и оно тотчас показывало свои недостатки» [2. Т. 4. С. 317]. Но не только знание техники отличает Соломина от большинства персонажей романа «Новь», ему удастся дать ответ на актуальные социальные вопросы. Например, он определяет причину неудач предпринимательства у дворян: «Тут нужен коммерческий расчет; тут всё надо поставить на другую ногу; выдержка нужна. Дворяне этого не соображают. Мы и видим сплошь да рядом, что они затевают суконные, бумажные и другие фабрики, а в конце концов – кому все эти фабрики попадают в руки? Купцам» [Там же. С. 318]. Тургеневский Соломин не поддается общественному ослеплению как «слева», так и «справа». В этом он похож, как отмечал в свое время критик Д.Н. Овсянко-Куликовский, на другого героя эпохи – Базарова, который также был человеком дела, но был в большей степени ненастоящим, вымышленным образом, и потому он преждевременно умирает. А Соломин – человек надежный, деятельный, волевой, добряк и меньше всего эгоист [9. С. 109]. Поэтому он в романе избегает репрессий и смерти, женится на одной из тургеневских девушек, ушедших в революцию, Марианне, увлекает преданных ему рабочих на переезд в новые края и основывает там, в Перми, небольшой заводик на артельных началах.

Это уже было продолжением дел, которые начинали в свое время на востоке страны ссыльные декабристы, основавшие первые в стране кооперативные союзы. Мирный переход к справедливому переустройству мира, эволюционное движение в этом направлении были естественными как в сознании дворянских революционеров, утерявших к тому времени свой радикализм, так и «западников», видевших развитие страны на пути западной капиталистической цивилизации. Это уже был более реалистичный путь развития страны, который, к сожалению, в России не осуществился, хотя попытки модернизировать аграрный строй в России были.

В начале XX в., после подавления революции 1905–1907 гг., которая была в основном крестьянской, С.Ю. Витте, а затем и П.А. Столыпин предложили свой вариант модернизации страны. Затеявая свои реформы, опоздавшие почти на 50 лет, П.А. Столыпин имел, вероятно, в виду, что конечным результатом его деятельности на посту главы правительства станет значительный слой зажиточных мужиков, которые будут жить отдельно от общины на своих хуторах или отрубках, политикой не будут интересоваться, поскольку всем довольны и всеми силами будут поддерживать консервативные порядки и царский режим. Другими словами, это будет время тех мужиков-хуторян, о которых Тургенев говорил за полвека до этого в рассказе «Хорь и Калиныч». Однако, разрушая общину как пережиток прошлого и источник революционного брожения, Столыпин потрещивал хрупкий мир российской деревни, которая в условиях малоземелья мечтала не о переделе тощих крестьянских наделов, а об обширных жирных помещичьих и государственных землях, которые должны были, по их мнению, принадлежать тем, кто на них работает. Пар-

тия социалистов-эсеров, а вслед за ними и партия большевиков в своих программах такие положения имели, и эта вековая крестьянская мечта увлекла за ними в 1917 г. крестьянские и солдатские массы. В результате эсеры выиграли выборы во Всероссийское Учредительное собрание, которое должно было за-

конным путем определить государственное устройство страны и основные принципы внешней и внутренней политики, но было грубо разогнано большевиками, которые поначалу щедро разделили землю между крестьянами, а затем их беспощадно ограбили в период коллективизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герцен А.И. Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1965. Т. 8.
2. Тургенев И.С. Собр. соч. : в 12 т. М. : Худож. лит., 1975.
3. Турбин С. Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки С. Турбина и старожила. СПб., 1872.
4. Переписка И.С. Тургенева в двух томах. М. : Худож. лит., 1986. Т. 1.
5. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М. : Наука, 1989.
6. Кузьмичев А., Петров Р. Русские миллионщики: Семейные хроники. М. : ВЛАДОС-МПГУ, 1993.
7. Бурыйшкін П.А. Москва купеческая: Мемуары. М. : Высш. шк., 1991.
8. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2009.
9. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собр. соч. Т. 2: И.С. Тургенев. СПб. : Обществ. польза; Прометей, 1909.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 апреля 2017 г.

RUSSIAN BUSINESS ORIGIN AND DEVELOPMENT IN I. S. TURGENEV'S WORKS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 30–35.

DOI: 10.17223/15617793/417/5

Vladimir P. Boyko, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpbojko@yandex.ru

Keywords: history; I.S. Turgenev; merchants; entrepreneurial business.

The aim of the article is to study the origin and development of Russian business in the second half of the 19th century. The main sources are pieces of art of the great Russian writer Ivan Turgenev, his correspondence with Russian public figures, writers and critics. Many aspects of the economic and cultural development of the country were described in these written works. Turgenev was an active opposer of serfdom in Russia and did a lot for its abolition. The main charges against this system were the famous “Notes of a Hunter”, which shows the negative side of serfdom and ways to overcome it. One of the progressive ways of the country’s development was the emergence of the first entrepreneurs from people’s, especially peasants’, environment; they combined the desire for freedom and commercial calculation. Such a national entrepreneur became the peasant, nicknamed Hor’, who had stood out of the community and got settled far in the forest. His family and he did not work for the landlord, but paid him large cash rents. As a result, his family with two younger unmarried sons and his eight sons’ families prospered and lived happily in a farmstead consisted of several pine log cabins. All his children took part in father’s business: they were involved in small and average business, and run their strong economy. They paid the landlord’s dues of a hundred rubles, and saved a small start-up capital, which they were ready to invest on occasion. From these families came many large Russian merchant dynasties. They were mainly involved in the manufacture of linen and later cotton fabrics. First they did their business in their log huts, then in manufactories, and then in factories that employed several hundred or even thousands of workers. There formed the dynasties of the Guchkovs, the Krestovnikovs, the Mamontovs, the Morozovs, the Prokhorovs, the Ryabushinskys, the Tretyakovs, the Botkins and other well-known names in the country’s history. Ivan Turgenev correctly noted the sprouts of the new relations in the Russian reality of the second half of the 19th century. The article concludes that both Russian business and commerce in the pre-reform period are highlighted as rudimentary and primitive, although the prospects for their development was evident and could give positive results. 30 years later, some progress in commerce was marked in the novel *Virgin Soil*. Although the main idea of Turgenev’s last novel was the rebuking of revolutionary populism, in fact, the results of the bourgeois development and the heroes of the new economic relations also did not cause Turgenev’s positive emotions. It was in this novel that the word “bourgeois” was used with different meanings, but mostly negative. However, there were energetic and enterprising people among factory managers and workers who the domestic economy could rely on.

REFERENCES

1. Herzen, A.I. (1954–1965) *Sobr. soch.*: v 30 t. [Works: in 30 vols]. Vol. 8. Moscow: USSR AS.
2. Turgenev, I.S. (1975) *Sobr. soch.*: v 12 t. [Works: in 12 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Turbin, S. (1872) *Strana izgnaniya i ischeznuvshie lyudi. Sibirskie ocherki S. Turbina i starozhila* [Country of exile and disappeared people. Siberian essays of S. Turbin and the old-timer]. St. Petersburg: Izdanie K.N.Plotnikova.
4. Khudozhestvennaya literatura. (1986) *Perepiska I.S. Turgeneva v dvukh tomakh* [Correspondence of I.S. Turgenev in two volumes]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Bokhanov, A.N. (1989) *Kolleksionery i metsenaty v Rossii* [Collectors and patrons of art in Russia]. Moscow: Nauka.
6. Kuz'michev, A. & Petrov, R. (1993) *Russkie millionshchiki: Semeynye khroniki* [Russian millionaires: Family chronicles]. Moscow: VLADOS-MPGU.
7. Buryshkin, P.A. (1991) *Moskva kupecheskaya: Memuary* [The merchant Moscow: Memoirs]. Moscow: Vysshaya shkola.
8. Boyko, V.P. (2009) *Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII–XIX v. Ocherki sotsial'noy, otraslevoy i mental'noy istorii* [Merchants of Western Siberia in the late 17th–19th centuries. Essays on social, industrial and mental history]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
9. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (1909) *Sobr. soch.* [Works]. Vol. 2: I.S. Turgenev. St. Petersburg: Obshchestv. pol'za; Prometey.

Received: 11 April 2017